

огонь, выше. Очевидно, именно этим и обусловлено различие в организации семантических полей. С другой стороны, это наблюдение позволяет говорить о том, что для языкового осмысления «огня» и «воды» возможно восстановить некое универсальное основание, опирающееся на идею стихийности. Соответственно различия в организации семантических полей объясняются не принципиальной разностью и несопоставимостью объектов, а их различным расположением на общей для них шкале стихийности.

Сам факт того, что языковое осмысление огня и воды может быть вписано в одну логику, возможность реконструировать единые принципы постижения этих двух противопоставляемых друг другу феноменов свидетельствует, на наш взгляд, об их возводимости к единому прообразу стихии, что и обуславливает — при всех различиях — определенную тождественность языкового осмысления.

Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Языковые преобразования. М., 1998. С. 662—669.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2004.

КСГРС — Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания, УрГУ).

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1964—1987.

СРГСУ-Д — Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнение. Екатеринбург, 1996.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л., 1965 —Вып. 1—... .

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973.

И. Е. Герасименко

КОННОТАЦИЯ И ДИНАМИЗМ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Статья посвящена проблеме порождения коннотации в результате двойственной природы и полифункциональности языкового знака. Автор рассматривает трактовку данного вопроса в концепциях У. Эко, Р. Барта и Э. Косериу. В заключение автор приходит к выводу о том, что динамизм коннотации как компонента кодифицированного в культуре значения языкового знака является значимым фактором формирования языка как части культуры.

Особенностью языка как знаковой системы является двойной модус существования. Язык существует и как система средств виртуальных знаков и моделей их связей, и как реальная манифестация, конкретная реализация этой системы; как «комплекс категорий, существующих *in potentia*, и язык как беспрерывно повторяющийся процесс» [Бодуэн де Куртэне, 1912, 77].

Сказанное коррелирует с известной гумбольдтовской антиномией, тезис которой в общем виде может быть представлен так: в языке все постоянно движется, все непрерывно изменяется, все неуклонно переходит, фиксированным в языке может быть только мгновенно возникающее действие духа. Антитезис же, напротив, утверждает монументальный характер языка: слова и законы их взаимодействия даются отдельному человеку предшествующими поколениями как нечто непреложное [см.: Гумбольдт, 1984].

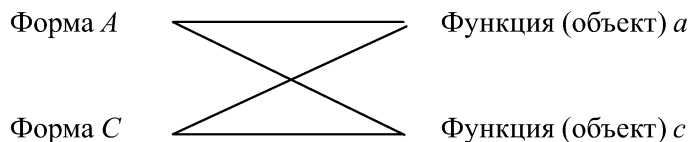
Поскольку наименование поставлено на службу коммуникативной функции, словесным знакам противостоят и находятся с ними в единстве речевые знаки — сообщения, высказывания. В целях обмена мыслями при общении смыслы декодируются звуковой формой, словесные знаки семантически разворачиваются, распространяются во фразы и предложения. Речь вовлекает имеющиеся смыслы и понятия в сферу новых отношений и обогащает их новыми возможностями. Отметим, что тот или иной вариант, нюанс значения слова как признак коннотативности приобретает именно в контексте, в речевом употреблении, что происходит благодаря действию «двумодусной» организации языка как знаковой системы.

Словесные знаки, являясь средством хранения «снятой» в них внеязыковой информации, служат одновременно и средством языкового мышления. Вскрывая сущность процесса рождения нового смысла, Ч.-С. Пирс отмечает: «Мы думаем при помощи знаков (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — И. Г.). Эти создаваемые в уме знаки имеют смешанную природу, их символические составляющие называются понятиями. Если человек производит новый смысл, это происходит посредством мыслей, включающих в себя понятия. Таким образом, новые символы могут вырастать только из символов. *Omne symbolum de symbolo*. Символ, однажды появившись, распространяется между людьми. За счет нового опыта его использования объём его значения возрастает» [Пирс, 2000, 92]. Согласившись с мыслью Ч.-С. Пирса, подчеркнем, что для концептуального содержания характерно непрерывное самодвижение и саморазвитие понятийных форм отражения действительности, тогда как имени, получающему функцию звукоряда, свойственна дискретность.

У каждого языкового элемента имеется своя основная функция, для осуществления которой он был создан. Под функцией понимается обозначение, выполняемая структурная задача и т. п. Эту основную функцию Е. Курилович называет первичной [см.: Курилович, 1962]. Она свойственна данному языковому элементу как элементу системы и проявляется в неспецифическом окружении. Для выражения каждой функции в языке существует основное средство. Форма, которая используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях, может быть названа основной формой, или первичной (прямой) номинацией.

Однако одна и та же форма может приспосабливаться для обозначения иных объектов или выполнения иных функций и, с другой стороны, данный объект может получать иное наименование. Так возникают в семасиологическом аспекте

вторичные функции, а в ономаσιологическом — вторичные номинации. Схематично асимметрию планов языка можно показать следующим образом:

Отношения $A \rightarrow a$, $C \rightarrow c$ есть отношения первичной функции для элементов A и C . Отношения $a \rightarrow A$, $c \rightarrow C$ есть отношения прямой номинации. Однако отношения $A \rightarrow c$ или $C \rightarrow a$ представляют вторичные функции элементов A и C , отношения $c \rightarrow A$, $a \rightarrow C$ репрезентируют вторичные номинации объектов c и a .

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что наличие в слове признаков линейности языковой формы и центричность его семантики создают специфическое свойство непараллельности, асимметрии двух сторон языка в целом и отдельного словесного знака в частности. Определенная автономия двух сторон словесного знака дает возможность:

- 1) означающему обладать иными функциями, помимо собственной;
- 2) означаемому быть выраженным иными средствами, помимо собственной формы.

Таким образом, непараллельность двух сторон знака находит свое выражение в таких «недискретных» фактах языка, как полисемия и омонимия (одно означающее — несколько означаемых), синонимия и полилексия (одно означаемое — несколько означающих), в наличии в системе языка синкретических и дублетных форм знаков.

Подтверждая факт возникновения коннотации в процессе порождения вторичных функций и номинаций, Е. Курилович отмечает ее субъективность и несущественность для языка и подчеркивает важность именно основного значения: «...Самое важное, главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют ещё и элементы контекста» [Курилович, 1962, 59].

Следует отметить, что дифференциальный характер обеих сторон знака создает широкие, практически неограниченные возможности их варьирования. Наряду с этим «экономичность» — одна из сущностных свойств языка — способствует «застопориванию» количественного приращения единиц одного из планов (выражения или содержания) с помощью механизма снятия неоднозначности языковых единиц противоположного плана в контексте. В то же время именно двойственная природа языкового знака и его полифункциональность являются основными факторами порождения коннотаций. Как считает Н. Д. Арутюнова, именно функциональной подвижностью множества словесных знаков объясняется семантическая двойственность слова, наличие у него смысла и значения, сигнификативного и денотативного содержания, способности к конно-

тации и референциям. А в самой природе человека заложен потенциал образования семиотической системы той или иной степени сложности, предназначенной для целей общения [см.: Арутюнова, 2000]. Это позволяет предположить, что в особых актах семиозиса формируется различное измерение знака.

Необходимо отметить в этой связи, что соответствие означаемых и означающих в процессе семиозиса регулируется определенным набором знаков, т. е. кодом. В основании семиозиса в актах коммуникации лежит намерение отправителя информации передать ее адресату через установленную область распространения (канал связи) и выбранный им код. «Переход от мира сигнала к миру смысла означает, что человек, являющийся источником и передатчиком информации, осуществляет идентификацию смысловозначительных признаков согласно заложенному коду» [Эко, 1998, 47]. Универсальность кода делает его удобным для использования адресантом и доступным для восприятия адресатом информации. Как отмечается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Коммуникация средствами национального языка (порождение и интерпретация текста, понимание) восходит к механизмам внутренней речи, ее глубинным структурам на уровне УПК (универсально-предметного кода, по Н. И. Жинкину), где национально-языковая специфика нейтрализована общечеловеческими схемами смыслообразования. Напротив, в поверхностных структурах собственно коммуникацией эксплицируется высказывание (текст), где все составляющие образуют национально-языковой вербализованный продукт, призванный информировать о каких-либо идеях, интересах, эмоциях коммуникантов» [Горелов, 1990, 233]. Так как любая коммуникация осуществляется в определенной культуре, то есть основания считать, что структуры глубинного содержания коннотации языкового знака соотносятся с УПК, а ее национально-языковая специфика — с базовыми кодами культуры.

Однако вернемся к тезису о двойственной природе языкового знака. Итак, все культурные явления, в том числе и язык, характеризуются особой двойственностью. Если в знаках первичной номинации отражается тождественность реальности и ее смысла, то знаки вторичной номинации служат средством объективации смыслов уже из сферы личностно значимых отношений. Ю. С. Степанов среди десяти типов знаковых систем выделяет седьмой («неявный») — коннотативный уровень языка, который располагает, по мнению ученого, следующими семиотическими свойствами:

1. Означаемое — неявный уровень психики говорящего — выражает внутреннее состояние самого говорящего;

2. Означаемое и означающее не подобны друг другу, но принадлежат одной системе (одному и тому же организму). В психике говорящего «неявный уровень» связан с неосознаваемым, в языке — это знаки с переносным значением [Степанов, 1971].

Последним утверждением иллюстрируется, на наш взгляд, тезис о связи коннотации и вторичной номинации. В процессах вторичной номинации под действием многообразных лингвистических и экстралингвистических (в том числе влияние

личности говорящего) факторов единицы языка приобретают референтные коннотации, имеющие эмоционально-образный и эмоционально-оценочный компоненты.

В процессе вторичной семиотизации в смысловой структуре значения происходит транспозиция кодовых элементов — «погашение предметно-практических смыслов и порождение смыслов, возникающих в системе жизненно значимых отношений человека и среды его обитания» [Алефиренко, 2002, 67]. Исходные денотативные значения устанавливаются кодом, созначения же, как считает У. Эко, зависят от вторичных кодов, или лексикодов, свойственных не всем, а только какой-то части носителей языка и поэтической речи. «Таким образом, означающее всё более и более предстаёт перед нами как смыслоразличительная форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством значений и созначений, благодаря корреспондирующим между собой кодам и лексикодам» [Эко, 1998, 57].

Культурно значимые коннотации порождаются у языковых единиц в актах вторичного семиозиса «именно тогда, когда означающее и означаемое формируют пару, которая становится означаемым нового означаемого», что можно сравнить с феноменом дрейфа, «коннотативным опухолевидным новообразованием» [Там же, 429]. Вскрывая в рамках культурсемиотики характерные особенности мифа как знака культуры, Р. Барт подтверждает мысль У. Эко, отмечая, что «знак (то есть результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означаемым во второй системе» [Барт, 1994, 78].

Утверждая, что «семиотика исследует все культурные процессы как процессы коммуникации», У. Эко толкует коннотацию в функциональном аспекте как часть и продукт культуры [Есо, 1998, 203]. Тезис об абсолютном развитии и взаимопревращении означаемого и означающего, из которого исходит У. Эко, является центральным. Первичная коннотация, порождаемая первичной денотацией в результате преобразования прежних означающего и означаемого в новое означающее, может породить вторичную коннотацию, в которой уже вновь сложившийся знак весь целиком выступает в роли нового означающего. С точки зрения бесконечного семиозиса денотация, по У. Эко, только устанавливает позицию лексемы в семантическом пространстве определённой культуры, в то время как все богатство процесса коммуникации базируется на едином множестве, последовательности, сети интерпретант, посредством которых процесс семиозиса сообщает лексеме собственную жизнь. Денотация непосредственно соотнесена с кодом, который всегда связан с определённой культурой. А коннотация — это сумма всех культурных значимостей, которые сигнификат может вызвать институционально в памяти получателя информации. Таким образом, в динамической модели, предложенной У. Эко, коннотация представляет собой цепь интерпретант, порождаемых в результате нескончаемого семиозиса.

Сам процесс нескончаемого семиозиса объясняется, по-видимому, существованием виртуальных смыслов вокруг языкового смысла, которое констатирует

Р. Барт: «Языковой смысл редко бывает с самого начала полным, не поддающимся деформации. Это объясняется абстрактностью языкового концепта; так, концепт *дерево* довольно расплывчат. Он может входить во множество различных концептов. Разумеется, в языке есть целый набор средств конкретизации (*это дерево; дерево, которое*; и т. д.). Но, тем не менее, вокруг конечного смысла всегда остается некий ореол других виртуальных смыслов; смысл почти всегда поддается той или иной интерпретации» [Барт, 1994, 99].

Э. Косериу, опираясь на понятие коннотативной семантики как кода на вторичном знаковом уровне в рамках семантики текста, считает коннотацию функцией, присущей языковому знаку (семиотической функцией), реализующейся прежде всего в тексте, в речи [см.: Coseriu, 1981]. Ю. М. Лотман, понимающий структуру художественного произведения как вторичную моделирующую систему, определяет коннотативные смыслы как вторичные, накладывающиеся на денотативное сообщение. Слово увеличивает свою семантическую ёмкость в тексте за счет добавочных ассоциаций [см.: Лотман, 1964].

Для Р. Барта понятие коннотации существует прежде всего как инструмент, позволяющий понять многозначность поэтических текстов [см.: Барт, 1994]. При этом имеются в виду не стилистические или риторические формы, а содержание образов, намеков, сравнений, из которых можно вывести политический и культурный смысл, говорящий о принадлежности писателя к определенной идеологии. В этом смысле коннотация представляет собой не случайный продукт прошлого языкового употребления, а сумму структурированных элементов определенного миропонимания и идеологии. Проведенный анализ приводит Р. Барта к важному выводу о том, что будущее принадлежит коннотативной семиотике, поскольку в результате историко-культурного развития человеческого общества на основе первичной системы естественного языка постоянно рождаются системы вторичных смыслов, и это движение тесно соприкасается с вопросами исторической антропологии.

Р. Барт указывает на способность коннотативных значений надстраиваться как над языковыми денотативными значениями, так и над невербальными знаками, а также над утилитарными назначениями материальных объектов. Кроме этого Р. Бартом выявлены следующие характеристики коннотативного значения: 1) его латентность, относительность, подвижность, рассеянность по всему дискурсу; 2) идеологическая нагруженность, способность замещать основное значение слова, что может быть использовано в качестве метода идеологического воздействия.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что существует действенная преемственность языковых процессов и культуры этноса. Языковые единицы, находясь в тесной взаимосвязи с категориями культуры, которые, в свою очередь, тоже подвижны и изменчивы, приобретают сложную семантическую историю. В живом употреблении единиц языка просвечивается культурная память, ассоциации из их прошлого функционирования: «Культурная коннотация каждого слова-знака складывается в процессе общения людей, на протяжении всей истории слова и обозначаемого им денотата» [Фриз, 1982, 114]. Таким образом, подвижность, развитие, социально каузируемая «восприимчивость» коннотации как компонента коди-

фицированного в культуре значения языкового знака является значимым фактором формирования языка как части культуры.

Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 2000.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

Горелов И. Н. Коммуникация // Лингв. энцикл. слов. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сб. ст. М., 1962.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.

Пирс Ч.-С. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.

Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971.

Фархутдинова Ф. Ф. Лингвокультурологический анализ языка художественного концепта // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы: Сб. научн. ст. по материалам Междунар. науч. конф., Волгоград, 10—12 октября 2007г. / Науч. ред. Е. В. Брыси-на. Волгоград, 2007.

Фриз Ч. Значение и лингвистический анализ // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1982.

Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб., 1998.

Coseriu E. Textlinguistik: Eine Einführung. Tübingen, 1981.

Л. М. Митрофанова

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ РОМАНА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНИ ПЕПКО»

Предлагается новое прочтение романа «Черты из жизни Пепко», который традиционно рассматривался в числе эпических полотен Д. Н. Мамина-Сибиряка о судьбах российской интеллигенции. Автор статьи рассматривает его в качестве классического петербургского текста.

Для пришельцев из вольной России этот город казался адом. Он требовал отречения — от солнца, от земли, от радости. Умереть для счастья, чтобы родиться для творчества.

Г. П. Федотов

Одной из характерных особенностей петербургского текста, созданного русской литературой XIX—XX столетий (условно — от Пушкина до Ахматовой), становится исключительная роль писателей-непетербуржцев (Гоголь, Гон-